Российская история. 2013-2023

ISSN 0869--5687

URL - <http://russian-history.ru>

Все права защищены

Выпуск 2 Том . 2021

Вера Фигнер: известная и неизвестная

Кан Григорий Семенович

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 07.05.2021

Ссылка для цитирования:

Кан Г. С. Вера Фигнер: известная и неизвестная // Российская история. – 2021. – Выпуск 2 С. 214-220 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870014489-8-1/>. DOI: 10.31857/S086956870014489-8

¹ В 1992 г. А.В. Воронихин под руководством Н.А. Троицкого защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую взглядам и деятельности В.Н. Фигнер. Теперь её текст переработан в капитальную монографию, в которой впервые освещена вся долгая, почти 90-летняя жизнь знаменитой революционерки. Судьба Фигнер вызывает много вопросов. Почему юная дворянка из обеспеченной семьи выбрала путь борьбы с самодержавием, ушла в революционное движение? Как она восприняла поражение «Народной воли», не получившей поддержки в обществе и народе? Какой отпечаток наложило на неё длительное тюремное заключение? Как она относилась к русским революциям 1905 и 1917 г. и к большевистской власти?

² Как показывает Воронихин, у Фигнер с детства сформировался сильный, волевой, целеустремлённый характер. Ещё в молодости она, окончив казанский Родионовский женский институт, твёрдо решила получить высшее медицинское образование и весной 1872 г. поступила в Цюрихский университет (с. 70–72). Там летом 1873 г., познакомившись с социалистическими доктринами, Фигнер вступила в женский революционный кружок «фричей», участницы которого

считали слишком умеренной программу П.Л. Лаврова, но не были столь радикальны в своих взглядах, как М.А. Бакунин. При этом, как ни странно, увлечение социализмом возникло у Фигнер во многом под влиянием Евангелия. Иисуса Христа она почитала как мученика за идею любви к человечеству (с. 73–74, 78–79). Воронихин уделяет этому всё же мало внимания, хотя данная черта представляется одной из важнейших для понимания психологии «семидесятников». Сама Фигнер свидетельствовала: «Воинствующий социализм, обещающий труждающимся и обременённым истинную свободу, равенство и братство, социализм, не признанный властью и богатство имущими, преследуемый за свои обличения, казался мне новым Евангелием, перелицованным согласно изменившимся социальным условиям и современному развитию человечества. Христианские понятия, чувства, воспитанные Евангелием, представления о святости аскетизма и самоотречения – всё влекло меня к новому учению»¹. Необходимо добавить, что, будучи человеком умным², начитанным и интеллектуально развитым (с. 67–68, 82), Фигнер испытала влияние многих мыслителей и публицистов, в частности Бакунина, Лаврова, Ф. Лассалья, Д.И. Писарева, П.-Ж. Прудона и особенно Н.К. Михайловского³.

³ В конце 1874 г. большинство «фричей» уехали в Россию, чтобы вести социалистическую пропаганду среди рабочих. Фигнер, однако, решила продолжать образование в Швейцарии. Впрочем, она не отказалась от революционных убеждений, успешно собирала деньги для цюрихских студенток и эмигрантов, а в декабре 1875 г. по приглашению М. А. Натансона всё же переехала в Москву, где вплоть до марта 1876 г. безуспешно пыталась помогать оказавшимся в тюрьмах «фричам» (с. 83–91). Народник Д.М. Айвазов писал 18 октября 1876 г. З.К. Ралли, что она «часто подвергалась детским увлечениям», вообще отличалась «сильной увлекательностью характера», но не умела «вести дело вследствие непрактичности». Вместе с тем Айвазов признавал, что «она очень искренний человек и до самопожертвования предана цели»⁴.

⁴ Получив свидетельство фельдшерицы и диплом повивальной бабки (так тогда именовались акушерки), Фигнер собиралась поселиться в деревне, чтобы, оказывая крестьянам медицинскую помощь, вести среди них революционную агитацию (с. 91–92). Затем, вступив в кружок «сепаратистов», разделявший программу «Земли и воли», она с 7 октября 1877 по 10 января 1878 г. работала фельдшерицей в с. Студенцы (в Самарском уезде), где с ужасом наблюдала за тем, в какой грязи и нищете живёт народ⁵.

⁵ Спустя почти полгода при посредничестве акцизного чиновника из Петровска Саратовской губ. Н.Ф. Александрова⁶ Фигнер устроилась фельдшерицей и повивальной бабкой в с. Вязмино. О её самоотверженной работе в Петровском уезде ярко рассказано в книге Воронихина. Однако местная администрация вскоре заподозрила Фигнер и её сестру Евгению в «неблагонадёжности». В конце апреля 1879 г. им пришлось бежать, опасаясь ареста в связи с расследованием покушения члена кружка «сепаратистов» А.К. Соловьёва на Александра II. После этого Фигнер, прежде возражавшая против политического террора, стала его сторонницей (с. 110–113, 115–117, 121–123, 132, 136). Она полагала, что «если молодая, более пылкая часть общества не находит ни сферы для своей деятельности, ни дела во имя блага народа, которому

она могла бы отдать свой энтузиазм... если все средства к убеждению были испробованы и оказались одинаково бесплодными, то остаётся физическая сила: кинжал, револьвер, динамит»⁷. В то же время Фигнер не забывала, что насилие «никогда не способствует смягчению нравов... вызывает ожесточение, развивает звериные инстинкты», а «гуманность и великодушные несовместимы с ним» (с. 142–143).

⁶ Вступив в «Народную волю», став членом её Исполнительного комитета и оставаясь на свободе до 10 февраля 1883 г., Фигнер принимала активное участие в подготовке нескольких террористических актов (включая убийство Александра II), занималась пропагандой среди военных и учащихся, отвечала за переписку с эмигрантами, паспортное бюро, сбор денег, распространение и подготовку к печати нелегальной литературы (с. 132–136, 146–153, 156–158, 164–165, 177, 181).

⁷ Очень интересна трансформация её взглядов после марта 1881 г. Воронихин пишет, что в конце 1881 – 1882 гг. Фигнер надеялась на вооружённое восстание при руководящей роли военных (с. 164), а не на террор или народное выступление. Более того, судя по словам одесского народовольца Д.Г. Петрова, давшего 10–16 июля 1882 г. откровенные показания, Фигнер уже поздней весной 1881 г. критически отзывалась о совершившемся цареубийстве, «заявляя, что событие это не оправдало возлагавшихся на него надежд, не говоря уже о громадном уроне, который оно нанесло партии, произвело подавляющее впечатление и убило энергию в революционной молодёжи»⁸. В мемуарном очерке её суждения звучали ещё более категорично: «1-е марта грянуло и отклика не вызвало: народ безмолвствовал, либеральное общество притаилось... Народ не знал нас, не ведал наших целей, а одобрительный шёпот либералов так и остался жалким, бесплодным шёпотом. “Народная воля” оказалась изолированной и одинокой. Акт, который должен показать силу, доказал бессилие»⁹.

⁸ Неудачи «Народной воли» надломили и поколебали у Фигнер веру в людей, в их способность к добру и готовность сочувствовать и помогать борьбе за свободу. Сама Вера Николаевна вспоминала об огромном потрясении, пережитом после известия о предательстве её ближайшего соратника – С.П. Дегаева: «Испытать такую измену – значило испытать ни с чем не сравнимое несчастье, уносящее моральную красоту людей, красоту революции и самой жизни»¹⁰.

⁹ Как и С.Л. Перовская, Фигнер была человеком сложным. В одном из своих стихотворений она признавалась, что может быть то «кротка», «проста, любезна и сердечна», то «строга, надменна, холодна, ко всем придиричива, сурова, чувств неприязненных полна»¹¹. Человек очень эмоциональный, нервный и беспокойный, Фигнер в горячности могла быть иногда жестокой к людям, что не мешало ей во многих других случаях оставаться мягкой, доброй и отзывчивой¹². В своих высказываниях она бывала несдержанна и порою выражалась крайне резко и безапелляционно. Так, своему любовнику К.А. Маслову¹³ – политическому радикалу, негативно относившемуся к «Народной воле», она заявляла, что «жизнь вообще есть каторга» и «только тот может сделать что-нибудь, кто делает людям зло и кто относится к ним, как к скотам. Другого отношения они не стоят»¹⁴. Эти слова отражали её тогдашнее мрачное и пессимистическое настроение. Но и «покаявшийся» Маслов считал Фигнер «человеком совершенно исключительных

умственных и нравственных сил», чей «умственный и нравственный мир так сложен и богат»¹⁵.

¹⁰ Воронихин подробно, обстоятельно и проникновенно описал и «процесс 14-ти» в сентябре 1884 г., на котором Фигнер приговорили к смертной казни, заменённой затем вечной каторгой, и её 20-летнее заключение в Шлиссельбургской крепости (с. 185–229). Шлиссельбург она называла позднее «основным фактором» всей своей жизни: «Он отнял у меня 20 лет жизни... Но именно в Шлисс[ельбурге] я прошла, кроме глубин страдания, школу солидарности... Там же у товарищей я находила такую преданность и ласку, которых, в суровых условиях револ[юционной] жизни, я не извела бы никогда. — И разве Шлиссельбург, несмотря на все испытания, был слишком дорогой ценой за участие в такой организации, какой был “Исполнительный комитет”, и в такой борьбе, какую, при тогдашних условиях, вела против самовластия “Народная воля”?»¹⁶.

¹¹ Незадолго до своей смерти от рака мать Фигнер подала прошение об облегчении участи дочери. Оно было удовлетворено: пожизненное заключение заменили 20 годами каторги. Осенью 1904 г. Фигнер отправилась в ссылку в с. Неноксу Архангельской губ., где жила до июня 1905 г. (с. 233–238)¹⁷.

¹² Прожив некоторое время в Казанской губ. и в Нижнем Новгороде, Фигнер поздней осенью 1906 г. с разрешения властей уехала лечиться за границу. Там она постепенно вновь втянулась в общественную жизнь, познакомилась с лидерами партии социалистов-революционеров (ПСР) и в 1907 г. стала её членом (с. 238–245). Молодая эсерка М.А. Прокофьева писала о ней своему жениху Е.С. Созонову (убийце В.К. Плеве) 11 июня 1908 г.: «В[ера] Ник[олаевна] маленькая, очень изящная и даже теперь красивая. Свежее, спокойное, аристократическое лицо со строгими, немного усталыми и очень красивыми глазами. По манере держаться очень живая, подвижная и совсем молодая... Всем интересуется, много принимает и видит людей. Со всеми очаровательно проста и ласкова. Простота у неё аристократическая и ласка очень сдержанная, тихая, почти незаметная... во взгляде, иногда в движении. Очень ровна и обаятельно-изящна... В суждениях “моральна” и строга до чрезвычайности». Правда, как отмечала Прокофьева, Фигнер любила не всех людей, а «только определённый их круг, “своих” (тов[арищей])», её отличала «сектантская любовь» — «к “своим” — чарующая, благоговейно-нежная, и до жестокости строгая за его пределами»¹⁸.

¹³ Возможно, именно эта нетерпимость Фигнер привела к разрушению её первоначально тёплых отношений с Б.В. Савинковым. Вера Николаевна не захотела ни понять, ни принять его убеждения (и, в частности, неприятие им позитивистско-рационалистической нормативной морали, свойственной «семидесятникам») и поступки (в том числе измену жене)¹⁹.

¹⁴ В 1908 г. Фигнер принимала участие в разборе обвинений в провокации, выдвинутых против хорошо знакомого ей Е.Ф. Азефа. А в следующем году, после его разоблачения, она покинула ПСР, разочаровавшись в партии, в которой долгие годы одним из лидеров являлся провокатор, а потом воцарилась атмосфера взаимных претензий и подозрительности. В 1910–1913 гг. Фигнер активно

помогала российским заключённым, путешествовала по Европе, любуясь её красотами, музеями, галереями, соборами, встречалась с писателями и деятелями искусства. Однажды ей даже довелось совершить полёт на аэроплане. Во время Первой мировой войны бывшая террористка заняла умеренно-оборонческую позицию, поскольку режим Вильгельма II казался ей бóльшим злом, чем союз России и Антанты.

¹⁵ Когда в 1915 г. Фигнер легально вернулась в Россию, её арестовали и сослали под надзор полиции в Нижний Новгород. Позднее она жила в Елецком уезде Орловской губ. и в Харькове, а в декабре 1916 г. получила разрешение поселиться в Петербурге, где её и застали революционные события 1917 г. Тем временем в 1910–1916 гг. она написала значительную часть своих воспоминаний (с. 246–261).

¹⁶ Разумеется, Февральская революция вызвала у Фигнер радостные чувства. Но у неё не было эйфории, наоборот, вскоре появилась некоторая настороженность. В сентябре 1917 г. она писала своей двоюродной сестре Н.П. Куприяновой: «У меня лично, конечно, оттого, что в прошлом был громадный, тяжёлый опыт, разбивший [бес]полезные иллюзии относительно духовного облика средних людей, – с самого начала не было радостного возбуждения, великого чаяния, что свобода будет водворена без тяжких потрясений, а Россия не раздавлена великой войной»²⁰.

¹⁷ Большевистский переворот и роспуск Учредительного собрания Фигнер встретила, по свидетельству Б.И. Николаевского, «остро-враждебно»²¹. Она выступала против революционной диктатуры одной партии и считала, что «период парламентной свободы необходим для гражданского и политического воспитания масс» (с. 270–271). Весной 1919 г. Фигнер вместе с сестрой Ольгой уехала для восстановления здоровья в Севский уезд Орловской губ., где жила их сестра Лидия с дочерью. Там в течение полугода одна за другой умерли две её сестры и племянница. Сама Фигнер была на грани отчаяния (с. 272) и даже подумывала о самоубийстве²². Весной 1920 г. с помощью своей приятельницы А.А. Бах она перебралась в Москву и со временем смогла оправиться от потрясений.

¹⁸ Воронихин ярко, живо и увлекательно описывает жизнь Фигнер в 1920–1942 гг. Большое внимание он уделяет её литературной, культурно-просветительской и правозащитной деятельности, отношениям со старыми товарищами и с представителями новой власти. Отношение Фигнер к советскому режиму было сложным. В отличие от другой народоволки, П.С. Ивановской, она не отказалась от персональной правительственной пенсии (с. 295–296, 308–309, 314–315), но дважды, в 1925 и 1927 гг., вместе с группой старых революционеров обращалась в Президиум ЦИК СССР с письмом, предлагая отменить смертную казнь и объявить широкую политическую амнистию (с. 288, 293–295). Используя своё громкое имя, Фигнер заступалась за многих арестованных и помогала их родственникам. При посещении В.Р. Менжинского в здании ОГПУ на Лубянке она вела себя с ним независимо и даже не подала ему руки (с. 299–301, 315–318, 330). Фигнер долго не вступала в Общество политкаторжан, поскольку оно одобряло смертную казнь и репрессивные действия ОГПУ (с. 306–307). Но, с другой

стороны, она написала сочувственный некролог – в форме траурной речи – о В.И. Ульянове (Ленине). Вопреки мнению Воронихина (с. 287), эта речь не была произнесена, иначе её непременно бы широко растиражировали в советской печати.

¹⁹ После 1920 г. для Фигнер было характерно полупринятие и полунепринятие советской действительности. Она поддерживала социальные, культурные и просветительские мероприятия большевиков и, видимо, даже смирилась с их диктатурой, не видя ей альтернативы в тогдашней России (с. 291). Но репрессии и казни вызывали у неё резкое неприятие. 31 марта 1931 г. А.В. Якимова писала Ивановской о Фигнер, которая тогда говорила, «что если бы был под рукой револьвер, застрелилась бы»²³.

²⁰ В конце 1930-х гг. пессимизм Фигнер усилился. Своей родственнице Е.Д. Жуковой, спрашивавшей её весной 1938 г. об отношении к судебным процессам 1936–1938 гг., Фигнер ответила: «У меня нет веры показаниям подсудимых... как нет веры и в их преступления. Я знала немногих – Бухарина, Крыленко, Крестинского, Радека. Они производили впечатление честных, порядочных людей, хотя кое в чём мы не были согласны друг с другом. Они могли спорить, отстаивать своё мнение, но предавать, шпионить... Это ложь. Это безнравственность. Мне кажется, что собака зарыта в другом – они мешали Сталину утвердиться на троне... Как их заставили признаваться в преступных деяниях – мне неведомо»²⁴.

²¹ В конце своей долгой жизни Вера Николаевна тяжело болела. Её внучатая племянница М.Н. Фигнер вспоминала: «Всё чаще простудные заболевания, усиливается гипертония, общая слабость... В 1941 году она уже совсем не выходит из дома, почти не покидает постели»²⁵. Писатель и религиозный мыслитель А.А. Золотарёв отмечал, что в «последние 2 года Вере Николаевне уже нездоровилось. Она упала, сильно расшиблась и после этого жизненные силы уже заметно пошли на убыль»²⁶. Певица Т.И. Лещенко-Сухомлина со слов близкой к Фигнер Е.П. Пешковой сообщала, что в то время «Вера Николаевна уже не была самой собой»²⁷. Общавшаяся с ней тогда же В.Б. Тарасова (дочь эсеров Б.Ф. и О.П. Тарасовых) в беседе со мной в сентябре 2004 г. рассказывала, что Фигнер уже часто не узнавала знакомых людей. Поэтому понять, что и как она думала о политике в 1940–1942 гг., не представляется возможным. 14 июня 1942 г. она скончалась в Москве в возрасте 89 лет.

²² в 1925 г. умная, зрелая, много пережившая женщина, оценивая своё прошлое и окружавшие её реалии, заявляла: «Нужна революция. Да, снова революция... Революция слишком необычна... Что толку, если снова угнетённые сядут на место бывших властников? Они сами будут зверьми, даже, может быть, худшими. Закроются ворота одних тюрем, откроются другие... Снова унижение свободной личности. Рабство, нищета, разгул страстей... Нам надо сегодня же начать серьёзную воспитательную работу над собою, звать к ней других, ибо дорога к свободе трудна... Когда я говорю о трудной и бесконечной дороге к свободе, я подразумеваю под этим... поднятие, раскрытие личности, необходимое для более совершенных форм общежития». Эти размышления заканчиваются словами: «Когда человек поймёт в человеке, что он высокая индивидуальность,

что он большая ценность, что он свободен, так же, как и другой, тогда только станут обновлёнными наши взаимоотношения, только тогда совершится последняя светлая, духовная революция и навсегда отпадут заржавленные цепи»²⁸.

²³ В книге Воронихина дано большое и весьма интересное приложение, где помещены стихи, посвящённые Фигнер, документы о ней, отрывки из разнообразных мемуаров и дневников, её письмо к сестре и матери конца 1882 г., речь на «процессе 14-ти». Многие из этих материалов ранее не публиковались или мало известны читателям. Исследование А.В. Воронихина производит впечатление очень добротной и вдумчивой научной работы. Можно рекомендовать его всем, кто интересуется как фигурой Фигнер, так и революционным движением в целом. Но будем помнить, что Вера Николаевна Фигнер – крупная, масштабная личность, человек постоянных нравственных поисков, яркая и страстная женщина с непростым характером. Научное осмысление её биографии только начинается.

Примечания:

1. *Фигнер В.Н.* Студенческие годы // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1929. С. 95.
2. «Умной женщиной» Фигнер признал даже начальник Казанского губернского жандармского управления (ГЖУ), охарактеризовавший её в своём донесении в III отделение Собственной е.и.в. канцелярии 24 ноября 1872 г. (ГА РФ, ф. 109, 3-я экспедиция, 1872, д. 215, ч. 1, л. 53 об.).
3. *Фигнер В.Н.* Студенческие годы. С. 52, 79–80, 86–90, 100–101; *Фигнер В.Н.* Вступительное слово на вечере (10 февраля 1929 г.) 25-летия со дня смерти Н.К. Михайловского // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 475–476.
4. Hoover Institution Library and Archives, B.I. Nikolaevsky Collection, f. 238, b. 5.
5. *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Ч. 1 // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1928. С. 108, 115–119; РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 147, л. 169, 171, 173, 199–203; ГА РФ, ф. 112, оп. 1, д. 486, л. 74, 98, 104–104 об.
6. ГА РФ, ф. 112, оп. 1, д. 481, л. 218 об., 249 об.
7. *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 135.
8. ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1883, д. 37, т. 3, л. 381 об.
9. *Фигнер В.Н.* Настроение перед арестом // *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 179.
10. *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 337.
11. *Фигнер В.Н.* Стихотворения // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1929. С. 295.
12. *Майнов И.* Пётр Сергеевич Поливанов // *Поливанов П.С.* Алексеевский равелин. Л., 1926. С. 56; ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886, д. 79, л. 215–215 об.
13. ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, 1882, д. 602, л. 25 об. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время с 1 мая по 1 сентября 1882 г. по делам о государственных преступлениях. СПб., 1882. С. 56–57, 60–61.
14. ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886, д. 79, л. 217 об.–218. После своего ареста 15 февраля 1882 г. Маслов делал резкие заявления против «Народной воли» и выступал свидетелем обвинения на процессе киевских народовольцев в августе 1883 г. В декабре 1885 г. он скрылся из Минусинска, где отбывал ссылку (Там же, ф. 533, оп. 1, д. 1352, л. 60–60 об.; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время с 1 июля 1883 г. по 1 января 1884 г. по делам о государственных преступлениях. СПб., 1884. С. 61–63), а после задержания в январе 1886 г. дал обширные показания: ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886, д. 79, л. 167–229 об.
15. ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886, д. 79, л. 198, 215.
16. *Фигнер В.Н.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 255.

17. Присущие ей тогда черты характера и манеры ярко изображены в мемуарах А.П. Бибика: *Бибик А.* Сквозь годы и бури. Ставрополь, 1975. С. 381–386.
 18. ГА РФ, ф. 5831, оп. 1, д. 553, л. 19.
 19. Подробнее см.: *Философов Д.В.* Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 152; *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. М., 2003. С. 131–132, 134, 142.
 20. Незапечатленный труд: Из архива В.Н. Фигнер // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 426.
 21. *Николаевский Б.И.* Тени далёкого прошлого (Памяти В.Н. Фигнер) // Социалистический вестник. 1942. № 13–14. С. 167.
 22. *Фигнер В.Н.* Автобиография. С. 254.
 23. РГАЛИ, ф. 234, оп. 5, д. 288, л. 246 об.
 24. *Жукова Е.Д.* На полках старинного шкафа. Семейная хроника. М., 1990. С. 214.
 25. *Фигнер В.Н.* В борьбе. Л., 1980. С. 215.
 26. *Золотарёв А.А.* Campo santo моей памяти: Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников. СПб., 2016. С. 653.
 27. *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее: Воспоминания. М., 1991. С. 492.
 28. *Вера Ф. [Фигнер В.Н.]*. Без заглавия // Рассвет (Нью-Йорк). 1925. 11 апреля. № 263. С. 2.
-

Библиография:

1. Hoover Institution Library and Archives, B.I. Nikolaevsky Collection, f. 238, b. 5.
2. Бибик А. Сквозь годы и бури. Ставрополь, 1975. С. 381–386.
3. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. М., 2003. С. 131–132, 134, 142.
4. Жукова Е.Д. На полках старинного шкафа. Семейная хроника. М., 1990. С. 214.
5. Золотарёв А.А. Campo santo моей памяти: Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников. СПб., 2016. С. 653.
6. Лещенко-Сухомлина Т. Долгое будущее: Воспоминания. М., 1991. С. 492.
7. Майнов И. Пётр Сергеевич Поливанов // Поливанов П.С. Алексеевский равелин. Л., 1926. С. 56.
8. Незапечатленный труд: Из архива В.Н. Фигнер // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 426.
9. Николаевский Б.И. Тени далёкого прошлого (Памяти В.Н. Фигнер) // Социалистический вестник. 1942. № 13–14. С. 167.
10. Фигнер В.Н. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 255.
11. Фигнер В.Н. В борьбе. Л., 1980. С. 215.

12. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Ч. 1 // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1928. С. 108, 115–119.
13. Фигнер В.Н. Настроение перед арестом // Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 179.
14. Фигнер В.Н. Стихотворения // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1929. С. 295.
15. Фигнер В.Н. Студенческие годы // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1929. С. 95.
16. Фигнер В.Н. Вступительное слово на вечере (10 февраля 1929 г.) 25-летия со дня смерти Н.К. Михайловского // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 475–476.
17. Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 152.

Vera Figner: Famous and Unknown

Grigory Kan

Abstract

Keywords:

Date of publication: 07.05.2021

Citation link:

Kan G. Vera Figner: Famous and Unknown // Rossiiskaia istoriia. – 2021. – Issue 2 C. 214-220 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870014489-8-1/>. DOI: 10.31857/S086956870014489-8

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 26.04.2023; URL - <http://russian-history.ru/s086956870014489-8-1/> Все права защищены.